

Ростислав Иванович Сементковский
Отто Бисмарк. Его жизнь и
государственная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175637

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	5
Глава I. Детство и молодость Бисмарка	7
Глава II. Общественная деятельность Бисмарка	13
Глава III. Бисмарк – депутат	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Р. И. Сементковский
Отто Бисмарк
Его жизнь и государственная
деятельность
Биографический очерк

Портрет князя Бисмарка, гравированный в Лейпциге Геданом

Введение

Обыкновенно князя Бисмарка причисляют к самым знаменитым дипломатам новейшего времени и ставят в один ряд с Талейраном и Меттернихом. И действительно, своей ловкостью, своим умением одерживать так называемые дипломатические победы, блеском своей деятельности, резонансом, который она вызывала во всей Европе, князь Бисмарк несомненно заслужил такую же громкую известность, какой пользовались в первой половине истекающего (XIX) столетия Талейран и Меттерних. Но деятельность бывшего германского канцлера не ограничивается одной дипломатической областью. Называть Бисмарка только дипломатом – значит суживать его значение. Он не только дипломат, но и государственный человек в самом широком значении этого слова. Когда он начал принимать деятельное участие в государственных делах, Германия, как политическое целое, существовала только по имени. В самой Пруссии значение королевской власти было сильно подорвано. Перед Бисмарком стояла задача: во-первых, усилить и упрочить королевскую власть, во-вторых, доставить Пруссии решительное преобладание в Германии и, в-третьих, – слить все германские государства для успешной внутренней государственной деятельности и для защиты их внешних интересов. Эта задача была исполнена блестящим образом на протяжении каких-нибудь двадцати лет. Когда князь Бисмарк начал свою политическую деятельность, Германию уподобляли глупому Михелю в ночном колпаке и халате с тридцатью шестью заплатами; а менее чем четверть века спустя Европа уже имела дело с объединенным могущественным государством, голос которого пользовался преобладающим влиянием в совете держав.

Общественное мнение не только в самой Германии, но и в других государствах приписывает этот блестящий результат преимущественно бывшему германскому имперскому канцлеру. Таким образом, при оценке деятельности князя Бисмарка нельзя довольствоваться одной дипломатической его деятельностью: надо иметь в виду и его роль самого влиятельного государственного человека сперва в Пруссии, а затем и в Германской империи. Это тем более необходимо, что и дипломатическая его деятельность находится в самой непосредственной зависимости от главного события, с которым неразрывно связано его имя. Объединение Германии признается главной заслугой князя Бисмарка, и поэтому, излагая обстоятельства его жизни, мы должны иметь в виду главным образом это событие. Вся его деятельность приводится, как его сторонниками, так и противниками, в связь с этим крупнейшим событием международной жизни Европы второй половины истекающего столетия, и обыкновенно соответственно делят жизнь и деятельность князя Бисмарка на три периода, из которых первый обнимает собой подготовительную деятельность к созданию Германской империи, второй посвящен осуществлению этой исконной мечты германского народа, а третий – упрочению достигнутого результата как во внутренней, так и во внешней жизни государства. Таким образом, жизнь и деятельность князя Бисмарка приобретает целостный характер: с ранней молодости до глубокой старости он был воодушевлен одной идеей, с железной последовательностью добивался ее осуществления и с замечательным искусством достиг своей цели. Таков легендарный князь Бисмарк; таким изображают его благодарные соотечественники; таков распространенный на него взгляд в других государствах. Посмотрим теперь, насколько проверенные и окончательно установленные факты соответствуют этому легендарному представлению о “человеке железа и крови”, о могущественном канцлере объединенной Германской империи. Разумеется, что при проверке этого распространенного взгляда нам придется руководствоваться лишь теми данными, что вполне точны, то есть строго избегать всего спорного и сомнительного; если наш биографический очерк вследствие этого утратит некоторую долю занимательности, то, с другой стороны, он ближе

подойдет к истине, а следовательно, будет полнее соответствовать основной цели большинства читателей, которые ищут в биографиях замечательных людей не развлечения, а жизненной правды.

Глава I. Детство и молодость Бисмарка

Когда речь заходит о детстве и молодости Бисмарка, многочисленные его панегиристы оказываются в затруднении. Великие умы обыкновенно уже в ранней молодости чем-нибудь да отличаются от простых смертных; а между тем знаменитый канцлер Германской империи до 32-летнего возраста был самым заурядным человеком, так что решительно никто не мог предусмотреть в нем великого, прославленного всем миром деятеля. От других людей своей среды он отличался разве только тем, что все их характерные черты, притом отрицательного свойства, проявлялись в нем особенно резко. Поэтому, чтобы составить себе ясное представление о молодом Бисмарке, нам надо познакомиться со средой, в которой будущий германский канцлер вырос и вращался до начала политической своей деятельности.

Задача наша в значительной степени облегчается общеизвестностью отличительных черт этой среды. Кто не знаком с жизнью, нравами, воззрениями дворян-помещиков северо-восточной части Германии, всему миру известных под названием прусских юнкеров? Их нравы, их быт описаны очень ярко искусным пером Шпильгагена; их социальные и политические воззрения достаточно выяснены новейшей историей и хорошо знакомы всем, кто только следит за работами прусского сейма и германского рейхстага. Вспомним прежний помещичий быт с его веселой, разгульной жизнью, прерываемой лишь заботой о том, где бы получить денег для дальнейшего беззаботного житья. Прибавим к этому смутно сознаваемую необходимость заняться хозяйством, чтобы не прогореть окончательно, инстинктивное чувство превосходства над народом в узком смысле этого слова, разночинцами и мещанами, и обусловливаемое им сознание, что дворяне призваны господствовать над остальными общественными классами и вершить судьбы государства в союзе с церковью и правительством, — вспомним все это, и мы будем иметь довольно ясное представление о том, кем были прусские юнкеры, особенно в начале нынешнего столетия, когда родился князь Бисмарк.

Именно в такой помещичьей среде он увидел свет божий. Если атавизм может быть признан общим законом, то он вполне применим в данном случае. Предки будущего германского канцлера все были скроены как бы на один лад, а род Бисмарков очень древний. Феодальный замок, от которого он ведет свое название, существовал уже в XII столетии. Это была твердыня гавельбергских епископов — Бископесмарк, переименованный позднее народом в Бисмарк. Отдаленные предки германского канцлера защищали с оружием в руках эту феодальную твердыню от всяких покушений на ее безопасность. Впоследствии род Бисмарков, однако, отказался от военного ремесла и начал заниматься в соседнем Стендале портняжным мастерством и продажей сукна. Но это продолжалось недолго, и в конце XIII столетия мы уже снова застаем род Бисмарков властелином феодального замка в той же местности, Бургштале, дарованного ему за верную службу маркграфом Бранденбургским. Бисмарки владеют им благополучно более ста лет, служа в то же время верой и правдой своим сюзеренам. Один из последних, прельстившись лесными богатствами Бургштале, вздумал вернуть себе это поместье и отнял его у Бисмарков, пожаловав им взамен поместье Шенгаузен. Это случилось в 1562 году, и с тех пор Бисмарки уже непрерывно владели будущей родиной великого канцлера, постоянно служа верой и правдой маркграфам и курфюрстам Бранденбургским, позднее королям прусским и императорам германским. Сам Бисмарк отмечает следующую характеристическую черту своих предков: «Все они сражались против Франции: мой отец и трое его братьев — во время республики; мой дед — при Росбахе; мой прадед — против Людовика XIV, а его отец — тоже против Людовика XIV в маленьких войнах на Рейне. Некоторые из моих предков сражались в тридцатилетнюю войну в рядах императорских войск; другие, правда, держали сторону шведов. Один из моих предков сражался в рядах наемных войск за гугенотов». Упомянув об этом интересном обстоятельстве и о воинственности своих предков

вообще, князь Бисмарк вспомнил и об одном предке, который на службе у курфюрста Бранденбургского издержал 12 тысяч талеров на свой полк, надеясь их вернуть умелым ведением полкового хозяйства. Однако эти побочные доходы, которыми пользовались предки Бисмарка, не спасли их от постепенного разорения: Бисмарков притягивал Берлин, а участие в столичных великосветских удовольствиях стоило немало денег. Ко времени рождения будущего великого германского канцлера дела Бисмарков были сильно расстроены. Отметим еще другие характеристические черты предков князя Бисмарка. Управление поместьями и военное ремесло были главными их занятиями; главными же развлечениями для них служили охота, пиры, картежная игра. Ни один из предков Бисмарка, насколько известно, не отличился на каком-нибудь ином поприще. Военные и охотничьи подвиги, гомерические кутежи, удаль, молодечество, – вот чем наполнялась их жизнь. Эту характеристику предков князя Бисмарка мы воспроизвели, руководствуясь собственными его словами, и не можем не придавать ей веры, потому что она вполне соответствует всем описаниям быта и жизни стародавнего дворянства не только в северо-восточной Германии, но и почти во всей Европе. Это был тип людей грубых, подчас буйных, склонных к разгулу, к излишествам в еде и питье, но закаленных в походах, в бою, на охоте, легко переносящих в случае надобности всякие физические лишения и верой и правдой отбывающих службу своим государям. Таковы были более или менее все предки Бисмарка, и мы увидим, что все эти характеристические черты с замечательной силой воплотились и в знаменитом германском канцлере, с той, однако, разницей, что его предки все без исключения остались заурядными людьми, а он достиг славы гениального деятеля. В заключение этой характеристики предков князя Бисмарка мы укажем еще на то, что один из них, под влиянием своего буйного нрава, совершил убийство и вынужден был бежать. Он попал в Россию, поступил на службу в Остзейском крае и женился на сестре жены Бирона. Состоя в должности рижского коменданта, оказал содействие избранию временщика в курляндские герцоги, затем, после падения Бирона, был сослан в Сибирь, но впоследствии помилован и кончил жизнь в Полтаве, занимая там опять видный военный пост. Должно быть, вспоминая о деятельности этого своего предка, германский канцлер любил говорить, что без содействия немцев России никогда не удалось бы сделаться объединенным, могущественным государством: как уже при самом основании Русского государства германский элемент в лице варягов сыграл большую роль, так и впоследствии он постоянно оплодотворял собой “женственную славянскую натуру”. Успехами культуры и водворением порядка во все отрасли администрации Россия обязана главным образом немцам. Если в этой мысли есть доля истины, то трудно согласиться, что эту услугу оказали России немцы покроя предков князя Бисмарка, которые об успехах культуры заботились мало как у себя дома, так и в чужих странах, а представляли собою только всюду распространенный тип поземельных дворян с их отличительными в прежние века отрицательными и положительными свойствами.

Вникнув в этот тип, мы легко уясним себе уже *a priori*¹, как должны были сложиться детство и молодость знаменитого германского канцлера. Несколько слов об его отце и матери окончательно разъяснят нам дело. Отец его, Фердинанд Бисмарк, юношею поступил на военную службу, так что двадцати одного года мог уже принять участие в походе герцога Брауншвейгского во Францию, но тотчас же по окончании этой войны вышел ротмистром в отставку и поселился в своем Шенгаузенском поместье. Это был служака в полном значении слова. Впоследствии он любил рассказывать своему сыну, что, когда находился на службе, аккуратно вставал в четыре часа утра, чтобы выдать солдатам овес. Строгое исполнение служебных обязанностей было отличительной его чертой, в этом духе он вел и воспитание своих детей; но сердце его лежало не столько к службе, сколько к тем развлечениям, кото-

¹ заведомо, наперед (*лат.*)

рые доставляла ему жизнь в деревне. Охота, верховая езда, пирушки – вот чем наполнялась его жизнь, за исключением забот, посвященных управлению имением. Но, очевидно, перечисленные нами удовольствия и развлечения мешали правильному ведению хозяйства, потому что дела его пришли в расстройство. Этому отчасти способствовала и его женитьба. В Берлине он познакомился с дочерью видного чиновника, известного и некоторыми публицистическими работами, Менкена, и женился на ней. Мать будущего знаменитого канцлера слишком свыклась со светской и придворной жизнью Берлина и скучала в шенгаузенском деревенском захолустье. Она рвалась в Берлин, поэтому супруги проводили зимние месяцы обыкновенно в столице, где постоянно имели квартиру. Отцу жилось привольнее всего в деревне, мать дорожила городской жизнью, требовавшей значительных расходов, так как родители будущего канцлера вращались в придворных кругах и, следовательно, вынуждены были соответственно устроить и свою жизнь. Если отец Бисмарка мечтал о том, чтобы сделать из сына образцового помещика, то мать хотела его определить на государственную службу и сделать из него блестящего дипломата. Отец обучал его с раннего детства верховой езде, брал с собой на охоту, а мать заботилась о том, чтобы у него были хорошие манеры, чтобы он умел бегло говорить по-французски и по-английски. Под влиянием матери он шестилетним ребенком был определен в одно из берлинских учебных заведений, где воспитание детей велось со строгим соблюдением педагогических принципов Песталоцци.

Это случилось весной 1821 года. Отсюда видно, что знаменитый канцлер родился в 1815 году, именно 20 марта (1 апреля), – в том году, когда в Вене заседал конгресс, вершивший судьбы Европы после падения Наполеона I, и был заключен пресловутый Священный союз. Год рождения Бисмарка, таким образом, совпал с возникновением международной комбинации, основы которой во многих отношениях совпали с теми принципами, которых придерживался Бисмарк в течение всей своей жизни. Но крупные исторические события того времени мало занимали обитателей Шенгаузена. Все внимание их было поглощено более близкими им делами. Благодаря наследству отец будущего канцлера вступил во владение новыми поместьями в Померании, в Наугардском уезде, и в следующем же году он переселился туда, в имение Книпгоф, где Бисмарк и провел первые свои детские годы. Он рос на свободе, проводя дни по большей части на свежем воздухе, откармливаемый на славу родителями. Поэтому неудивительно, что переселение в Берлин, в школу, где было и мало воздуха, и мало света, где воспитанников приучали к спартанскому образу жизни, где их плохо кормили и постоянно регламентировали, очень не понравилось Бисмарку. Он никак не мог примириться со своей новой жизнью; но, как видно из его рассказов, главным образом его огорчал недостаток пищи, тех лакомых и обильных блюд, к которым он привык у родителей. “Мясо, которое нам давали в школе, – жаловался он, – отличалось особенным свойством: оно было мягко, но его никак нельзя было разжевать, словно кусок резинки”. Некоторое утешение доставляли ему только забавы и игры на свежем воздухе. Тут он сразу достиг авторитетного положения среди своих товарищей: деревня дала ему силу, ловкость, и когда происходили сражения снежками, то атаманом всегда был крепыш Отто, будущий великий канцлер. Уроками он весьма мало интересовался; несколько занимала его разве история, в особенности же рассказы о Троянской войне, которою он увлекался до того, что иногда вслух читал своим товарищам эпизоды из нее. Все это вместе взятое доставило ему кличку Аякса. Кровь сказалась в нем уже тут: любил он покушать, при случае подраться, а воображение его прельщали военные подвиги. Блаженствовал он только летом, когда родители увозили его в деревню, где он мог с отцом скакать на лошади или охотиться в бесконечных тогда еще померанских, лесах.

Так провел Бисмарк еще шесть лет до поступления своего в гимназию. Тут жилось ему сравнительно привольнее, потому что родители не определили его в пансион, но позволили ему жить вместе со старшим братом в их городской квартире под присмот-

ром француза-гувернера, мосье Гало, который репетировал с ними уроки, и деревенской няньки и стряпухи Трины (Катерины), которая откармливала их на убой разными вкусными блюдами, – разнообразными оладьями, яичницами, начиненными гусями. Попечения этой Трины оказывались более действенными, чем попления мосье Гало, которого пришлось скоро уволить вследствие недостаточных успехов молодого Бисмарка в науках. Но Трина делала свое дело: она, по крайней мере, удерживала его дома, соблазняя любимыми блюдами.

Но откармливать его на убой можно было и в деревне, в Берлине же юному Бисмарку надо было преуспевать в науках, а науки ему, видимо, не давались. Поэтому после конфирмации в 1830 году, совершенной знаменитым богословом и философом Шлейермахером, пятнадцатилетний Отто Бисмарк был переведен в другую гимназию. Но и тут его успехи в науках оказались недостаточными, и тогда пришлось прибегнуть, как водится, к решительному средству, то есть отдать его в пансион к одному из учителей, который взялся подготовить Отто к выпускному экзамену. Хотя Бисмарк неохотно оставался в мезонине, где ему отведено было помещение, и предпочитал проводить время в беседе с женой этого учителя, однако он все-таки благополучно окончил в 1832 году гимназический курс. Биографы утверждают, что он из школы вынес кое-какие знания только по истории; кроме того, прекрасно владел французским и английским языками, но это, конечно, было результатом домашнего воспитания. Успехи его в науках при нерасположении, которое он к ним питал, разумеется, не могли быть значительны.

В том же году началась университетская жизнь семнадцатилетнего Бисмарка: он поступил в Геттингенский университет – вероятно, потому, что родители опасались соблазнов столичной жизни и не верили, чтобы наука могла служить для молодого Бисмарка достаточным противовесом. Вскоре, однако, оказалось, что Бисмарк и в Геттингене вполне сумел воспользоваться свободой, которая ему была предоставлена после утомительного корпения над гимназическими учебниками. Один из родственников родителей снабдил его рекомендательным письмом к знаменитому геттингенскому профессору Гуго, прося его принять молодого студента под свое особенное попечение. Нет сомнения, что ученый готов был сделать все что мог, чтобы внушить молодому Бисмарку любовь к науке. Глубокие знания Гуго известны всем юристам; не менее он известен своею добросовестностью как преподаватель. Но на молодого Бисмарка он повлиять не мог уже по той простой причине, что тот решительно отказался посещать его лекции, и по прошествии трех полугодий, проведенных Бисмарком в университете, знаменитому ученому пришлось только сделать в его бумагах отметку: “Студента Бисмарка я в моей аудитории ни разу не видел”. Другие профессора его также в своих аудиториях не видели, и случилось это по весьма простой причине: у Бисмарка было дел по горло, и эти дела предписывались, конечно, не любовью к науке, а теми влияниями, которым он подчинился в родительском доме, кровью, которая текла в его жилах, привычками и наклонностями, которые он унаследовал от своих предков. Покушать, выпить, размять члены, накуролесить, совершить подвиг в духе среды, в которой он вырос, и в пределах, ему доступных, – вот на что были направлены ум и чувства молодого Бисмарка. Попойки, кутежи, бесконечные дуэли, безобидные, но подчас и дикие выходки наполняли жизнь Бисмарка во время пребывания в Геттингенском университете. Он сам неоднократно с видимым удовольствием рассказывал, что дрался на дуэли в течение этих восемнадцати месяцев двадцать восемь раз, что ранен был только однажды, и то вследствие случайности: у противника выскочил клинок из эфеса и попал ему в щеку. Но никто не победил Бисмарка: он был таким искусным дуэлянтом, что с ним не могли справиться даже самые опытные в этом деле студенты. Всякий поймет, сколько времени он должен был употребить, чтобы дойти до такой ловкости, до такой меткости и силы удара. Но он достиг виртуозности не только в этом отношении. Он превзошел всех своих товарищей и на другом поприще: пере-

пить Бисмарка тоже никто не мог. Противники его валились со стульев и беспомощно покоились под столом, но Бисмарк продолжал победоносно пить, вызывая удивление своих товарищей. А когда дело доходило до какой-нибудь дикой выходки против мирных бюргеров, Бисмарк был всегда зачинщиком и вожаком. С ним опасно было иметь дело. Когда его вызывали в университетский суд за какой-нибудь проступок, он являлся туда в халате и ермолке, с традиционной длинной трубкой в зубах, приводя всех в недоумение своим бесцеремонным костюмом. Когда профессор делал в его бумагах неблагоприятную для него отметку, он выбивал у него стекла в квартире, но из почтения к его дочерям делал это леденцами или пряниками. Когда кто-нибудь осмеливался ему противоречить, он немедленно оскорблял его и вызывал на дуэль. Словом, необузданность его натуры проявилась тут во всем блеске, вся жизнь Бисмарка текла по избитому старому руслу, освященному бесконечным рядом предшественников и последователей. Прибавим к этому, что никаких умственных интересов в нем не замечалось. Биографы его указывают только на один случай, когда он как будто вышел из роли самого заурядного бурта и проявил патриотическое чувство. Это известный эпизод с американцем Кофином, некоторое время слушавшим в Геттингенском университете лекции. Кофин пренебрежительно отнесся к германскому Михелю; Бисмарк вступился за свое отечество, и дело кончилось дуэлью, на которой Бисмарк исполосовал своему противнику физиономию свойственными ему меткими ударами. Затем, как водится, состоялось примирение, и за пивом бывшие противники держали пари: Кофин утверждал, что Германия никогда не объединится, а Бисмарк самоуверенно заявил, что она объединится не позже как через двадцать лет. Когда этот срок прошел, то есть в 1853 году, и об объединении Германии не могло быть еще и речи, Бисмарк навел справки о своем бывшем противнике, чтобы послать ему проигранные 25 бутылок шампанского; но тот давно уже променял земную жизнь на лучшую, – недаром у него была такая зловещая фамилия (*coffin* – гроб). Надо, однако, отметить, что этот случай ничего в сущности не доказывает, потому что объединенная Германия давно уже составляла мечту всех лучших людей Германии и германской молодежи; а что сам Бисмарк этою мечтою не особенно увлекался, а рад был только придрататься к любому поводу, чтобы повздорить и поспорить, доказывает уже тот факт, что он не примкнул ни к одной из студенческих ассоциаций, поставивших себе целью содействовать по мере сил объединению Германии.

Во всяком случае, Бисмарк никакого интереса к науке не проявлял, и это сильно смущало его родителей, в особенности мать, которая с нетерпением ожидала окончания им университетского курса и поступления на службу. Очевидно, сын далек был от осуществления ее мечты о блестящей дипломатической карьере. По настоянию матери он перешел из Геттингенского университета в Берлинский. Должно быть, она надеялась, что под более близким ее присмотром ученые занятия сына пойдут лучше. Но и тут надежды ее не оправдались: молодой Бисмарк продолжал кутить и по-прежнему не посещал лекций; только под конец своего пребывания в университете он как будто одумался и решился прослушать курс государственного права у Савиньи. Но с первой же лекции он убедился, что вследствие полной неподготовленности не может с успехом следить за преподаванием. Между тем время выпускных экзаменов приближалось, и Бисмарк, по совету родителей, прибег к обычному в этих случаях средству недорослей из дворян, то есть нанял репетитора и при его содействии сдал весной 1835 года несложный в то время экзамен для получения права поступить на государственную службу. Разумеется, вынесенные им из университета знания при таких условиях не могли быть основательны. Он, правда, состоял в течение трех лет на юридическом факультете, но лекций, как мы видели, не слушал, ничего не читал и только к экзамену вызубрил несколько учебников, то есть приобрел знания, которые, конечно, у него скоро улетучились.

В том же году он поступил на службу сверхкомплектным чиновником в берлинский городской суд по отделению мелких дел. Но и тут его основное настроение, его привычки и наклонности сказались очень скоро. Он относился к исполнению своих служебных обязанностей весьма небрежно, редко бывал на службе, а когда являлся, то непременно совершал какие-нибудь выходки в духе прежних студенческих проделок. В посетителях он видел своих непримиримых врагов и обращался с ними крайне грубо. Приведем для примера следующий случай. Входит в суд словоохотливый берлинец из ремесленников и с необычайной обстоятельностью излагает свое дело с совершенно излишними подробностями. Бисмарк неоднократно прерывает его, но тот не унимается и все повышает голос. «Если вы не замолчите, я вас вытолкаю», – вспыхнул наконец Бисмарк. Его останавливает кроткий судья. «Это уже мое дело, господин Бисмарк», – произносит он флегматично. Тем временем берлинец продолжает ораторствовать, все повышая голос. Бисмарк вскакивает и гремит: «Молчать, или я вас вытолкаю при содействии господина судьи». Подобные сцены повторялись очень часто, и дело кончилось тем, что Бисмарку пришлось оставить место сверхкомплектного чиновника в берлинском городском суде. Благодаря связям в придворных кругах, ему скоро удалось приискать себе новое место в Аахене, в канцелярии тамошнего губернатора. Но и тут он не оправдал надежд матери. На этом курорте летом собиралось великосветское общество из всей Европы, – очень много аристократических семейств из Франции, Англии и России, и Бисмарк весь ушел в светские удовольствия. Он с детства прекрасно владел французским и английским языками, манеры его были безукоризненны, вообще, благодаря матери, он приобрел лоск светского человека и поэтому чувствовал себя среди родовитых туристов как дома. Не довольствуясь шумною аахенской жизнью, он совершал еще экскурсии во Францию, в Бельгию, по Рейну. Но все это стоило больших денег и мало двигало его служебную карьеру. Родители опять стали настаивать, чтобы он переменил место службы, и осенью 1837 года он поступил на службу в Потсдам, а вместе с тем стал отбывать и воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося. Его начальник сделал ему следующую аттестацию: «Молодой Бисмарк мог бы далеко пойти по службе, если бы он только не питал к ней отвращения». Значит, и тут он остался себе верен. Канцелярская деятельность внушала ему явное нерасположение, подобно тому, как раньше он тяготился пребыванием в школе и никак не мог примириться с установленной в ней дисциплиной. Между тем мать его тяжело заболела, отец также начал похварывать, и надо было подумать о том, кто примет на себя управление поместьями. Решено было часть их предоставить старшему брату, а часть – будущему германскому канцлеру, тем более, что дела старика Бисмарка пришли в сильное расстройство, и задолженность его имения приняла тревожные размеры. Старший сын, Бернгард, деятельно занимался хозяйством и был подготовлен к управлению имениями, но младший, знаменитый Отто, собственно, еще ничем серьезным в жизни не занимался: он превосходно скакал на коне, умел владеть оружием, страстно любил охоту, ел за троих, мог перепить кого угодно, но никаких знаний теоретических или практических не приобрел. Ввиду всех этих обстоятельств он попросил разрешения отслужить второе полугодие в качестве вольноопределяющегося в Грейфсвальде, так как там по соседству был сельскохозяйственный институт, где он собирался слушать в свободное время лекции, чтобы подготовиться к роли сельского хозяина. Сомнительно, однако, занялся ли он и на этот раз серьезно делом. Во всяком случае, известно, что он уже весной следующего года вступил в управление частью поместий, похоронив тем временем столь горячо его любившую мать. Таким образом, с 1839 года начинается новый период в жизни Бисмарка. Он становится сельским хозяином и до 1851 года на государственную службу более не поступает.

Глава II. Общественная деятельность Бисмарка

Во время своей двенадцатилетней жизни в деревне Бисмарк занимал разные общественные должности: то в качестве помощника старшего брата, то в качестве инспектора плотин, то в качестве депутата провинциального и, наконец, общепрусского сейма. Но прежде чем охарактеризовать его общественную службу, мы должны сказать еще несколько слов о нем как о сельском хозяине и помещике вообще.

Именно в это время будущий германский канцлер заслужил прозвище “сумасшедший Бисмарк”, а в местности, где он жил, сложилась поговорка: “Нет, еще мало, говорит Бисмарк”. Это прозвище и эта поговорка бросают яркий свет на подвиги, совершенные им в качестве помещика. Собственно, он продолжал прежнюю свою жизнь. Сельским хозяйством занимался мало и не привел в порядок дел своего отца. Одно только можно сказать, что при нем задолженность имений не увеличилась; но этот результат, по-видимому, достигнут главным образом его братом, потому что самому Бисмарку некогда было заниматься делами. Его слишком поглощала деятельность иного рода. В обществе у него не было недостатка: соседние помещики, и в особенности офицеры расположенных в Наугардском уезде войск, составляли ему компанию в кутежах, на охоте, в разного рода экскурсиях и были завсегдатями в Книпгофе, который со времени приезда туда Бисмарка на постоянное местожительство был общею молвою переименован в Кнейпгоф (кабак). Попойки, кутежи, игра в карты, охота, верховая езда, стрельба в цель, – вот что занимало Бисмарка и его товарищей. Стрелок он был превосходный, из пистолета подстреливал уткам головы на пруду, попадал на лету в брошенную карту; наездник он был лихой, долго сохранял эту страсть и несколько раз чуть не поплатился жизнью за бешеную верховую езду. Однажды они возвращались с братом домой и гнали лошадей что есть мочи. Вдруг брат слышит сильный удар: это будущий канцлер слетел с лошади и ударился головою о камень на шоссе. Лошадь испугалась фонаря и сбросила его. Бисмарк потерял сознание. Когда же он пришел в себя, с ним произошло нечто весьма странное. Он осмотрел лошадь и нашел, что седло сломано; позвал конюха, сел на его лошадь и отправился домой. Собаки его встретили лаем, но он их принял за чужих собак и рассердился. Потом он стал рассказывать, что его конюх упал с лошади и что необходимо послать за ним носилки. Когда же брат сделал знак, чтобы за конюхом не ходили, он опять рассердился и спросил: “Неужели мы этого человека оставим там в беспомощном состоянии?” Словом, он принимал себя за конюха или конюха за себя. Затем он потребовал покушать, лег спать, а на другой день был совершенно здоров. Другой раз тоже в глухом лесу, далеко от дому, он упал вместе с лошадыю и потерял сознание. Так он лежал около трех часов. Когда же, наконец, очнулся, снова сел на коня и в темноте добрался до соседнего имения. Тут люди испугались, увидев рослого седока, у которого все лицо и руки были в крови. Когда доктор его осмотрел, он заявил, что не сломать себе шеи при таком падении противоречит всем правилам искусства. Мы привели эти два случая со слов самого Бисмарка. Страсть к верховой езде он сохранял еще долго и впоследствии в Варцине сломал себе три ребра при падении с лошади.

Другую страсть, или, точнее говоря, привычку, приобретенную также уже в детстве, но особенно развившуюся в этот период времени, он сохранил на всю жизнь. Это привычка поглощать невероятное количество пищи. Он сам острит, что если бы в стране было много таких едоков, как он, то государство обанкротилось бы и ему пришлось бы выселиться из Германии. В 1870 году во время французской кампании, то есть когда ему было 55 лет, он жаловался, что может зараз съесть только три крутых яйца: “Недавно еще, – пояснял он, – я съедал зараз по одиннадцать штук без всякого вреда для здоровья. Не выпив и не покушав сытно, я не могу заключить хорошего мира”, – шутил он. В Книпгофе портер и шампан-

ское не сходили со стола. Редкая неделя обходилась без какой-нибудь гомерической попойки. Как Бисмарк пристрастился к вину, показывает следующий, рассказанный им самим факт. Раз как-то во время придворной охоты (это было при Фридрихе-Вильгельме IV) король предложил присутствующим выпить шампанского из оленьего рога, принадлежавшего Фридриху-Вильгельму I и имевшего такую форму, что из него надо было пить, не касаясь края губами. В этот оригинальный сосуд можно было влить около бутылки шампанского. Шампанское было подано по обыкновению очень холодное. Бисмарк первый вызвался осушить сосуд, выпил шампанское, не проронив ни одной капли на свою белую жилетку, и попросил у короля позволения осушить его вторично. «Но король этому воспротивился», – с сожалением прибавляет Бисмарк. В другой раз праздновался какой-то военный юбилей и обновлялся новый кубок, вмещавший бутылку вина. Бисмарк его тоже осушил залпом, приведя всех в изумление. К кубкам он вообще питает страсть и составляет в своих имениях целые коллекции разнообразнейших кубков, жалуясь, что у него их расхищают во время его отсутствия. Но если Бисмарк и в преклонные годы поражал всех своею способностью есть и пить, то легко себе представить, какие подвиги он совершал на этом поприще в то время, когда все его называли «сумасшедшим Бисмарком» и когда сложилась поговорка: «Нет, еще мало, говорит Бисмарк».

От одной страсти, приобретенной в это время, он, однако, отделался сравнительно рано, то есть тотчас после женитьбы. Мы говорим о страсти к картам. Когда он еще хозяйничал в Книпгофе, ему случалось, по его собственным словам, играть до двадцати робберов кряду, на что, по его расчету, требуется не меньше семи часов. Впоследствии он совершенно отказался от карточной игры и прибег к ней только однажды в виде дипломатической уловки... Это было во время заключения Гаштейнского договора. Австрийский дипломат не знал в точности, решительный ли характер у Бисмарка, и имел неосторожность в разговоре заметить, что при карточной игре отлично можно узнать характер человека. На другой день Бисмарк предложил ему сыграть в карты и проявил большой азарт, делая крупные ставки. Он проиграл значительную сумму, но убедил австрийца, что он – решительный человек.

Итак, карты, вино, охота, стрельба в цель, верховая езда, пиры, – вот чем наполнялась жизнь Бисмарка, когда он жил у себя в имении помещиком. Кроме того, он иногда путешествовал, ездил во Францию, побывал и в Италии. Из всего этого видно, что у него была очень деятельная натура, но что избыток сил был направлен, в сущности, на очень низменные предметы, так что все признавали его заурядным человеком, отличающимся от других разве только бурным нравом. Биографы упоминают, впрочем, что Бисмарк в эту пору своей жизни иногда отказывался от всех отмеченных нами развлечений и вдруг принимался читать запоем. Читал он всевозможные книги без всякого разбора. И впоследствии, когда он уже был прусским министром-президентом, он любил читать романы. Тем более, конечно, в изучаемое нами время он занимался преимущественно легким чтением, затем еще просматривал книги исторического содержания, к которым он, как мы видели, питал некоторую склонность еще в школе. Биографы упоминают еще о сочинениях Спинозы, причем высказывают предположение, что эти знания не могли не отразиться на позднейшей деятельности Бисмарка. Но надо заметить, что отвлеченная мысль всегда была чужда уму германского канцлера, его занимали только реальные интересы. Подобно Наполеону I, он питал инстинктивное нерасположение ко всяким спекулятивным теориям, даже политическую экономию признавал наукою несостоятельною. Впрочем, об этом впоследствии. Мы хотим теперь только выяснить, что, уделяя между кутежами и разными развлечениями этого рода некоторое время книжным занятиям, он подчинялся другим побудительным мотивам. Дело в том, что во время этих кутежей беседа не могла не касаться и политических вопросов. Как раз в эти годы, когда Бисмарк зажил помещиком, произошла перемена царствования. На престол вступил Фридрих-Вильгельм IV, вспомнивший о данном прусскими королями еще

во время освободительной войны обещании даровать своему народу конституцию. Умами овладела надежда, что теперь обещание будет исполнено. Эти надежды отчасти сбылись: созданы были провинциальные сеймы, затем соединенный сейм; готовились события 1848 года.

В такой момент общих ожиданий, конечно, и в провинции разговоры вертелись около политических вопросов, и будущий германский канцлер невольно начал ими увлекаться. Все говорили о политике, начал говорить о ней и Бисмарк, желая и в этом отношении перещеголять других резкой мыслью, метким замечанием. Но толковать о политике, располагая весьма скудными знаниями, производить впечатление без всякой подготовки было, конечно, трудно, – и вот мы видим, что Бисмарк берется за книгу и начинает читать с той же страстностью, с какою он раньше предавался разным видам спорта. Надо сказать, что он и в этом отношении достиг цели, то есть обратил на себя внимание своих товарищей по кутежам, соседей-помещиков. Теперь во время кутежей он поражал их не только способностью выпить бесчисленное число стаканов вина, но и своими смелыми суждениями в политических вопросах. Прибавим к этому, что он составил себе тогда репутацию либерала. Но по мере того, как волна либерализма все сильнее охватывала умы, он из ярого либерала превращался в консерватора, поражая собутыльников отсталостью своих политических суждений.

Прежде чем коснуться этой метаморфозы и вообще той видной роли, которую сыграл Бисмарк как общественный деятель во время революции 1848 года, мы должны еще указать на некоторые факты из его частной жизни. Итак, с 1839 по 1847 год, то есть в течение восьми лет, совпавших с расцветом его сил, он прожил в деревне в обществе соседей-помещиков и офицеров, предаваясь сельским удовольствиям и лишь под конец этого периода заглядывая в книги, чтобы найти в них материалы для затрапезных бесед. Само собою разумеется, что эти восемь лет, проведенные в такой обстановке, не могли не отразиться на его мирозерцании и окончательно укрепили его в тех взглядах и понятиях, которые он всосал с молоком матери и которые не нашли себе противовеса ни в школьном образовании, внушавшем, как мы видели, Бисмарку большое нерасположение, ни в университетском преподавании, совершенно не коснувшемся его ума, ни наконец в науке, к которой Бисмарк не питал никакой любви. Если он родился и воспитывался в помещичьей среде и смолоду проникся ее понятиями и взглядами, то восьмилетнее пребывание в той же среде, в обществе так называемых прусских юнкеров, должно было окончательно закалить его в этих взглядах и понятиях. Он не ощущал никакого стремления вырваться из этой среды; напротив, он чувствовал себя в ней хорошо и ему не доставало разве только более широкого поприща для приложения избытка сил его здоровой, мощной натуры, которую ему не удалось разрушить ни бесконечными кутежами, ни разными сомнительными подвигами: дуэлями, бешеной верховой ездой и так далее. В этом избытке физических сил заключался источник той кипучей деятельности, которую он постоянно проявлял. Идея тут не играла никакой роли, не обуславливалась она и нервной организацией; напротив, Бисмарк всегда оставался спокойным – и на дуэлях во время студенчества, и за стаканом вина, когда у других кровь разгорячалась, и позже в парламенте, когда противники осыпали его градом насмешек, и в те минуты, когда жизни его угрожала очевидная опасность. Он чувствовал себя постоянно сильным, и это чувство объяснялось тем, что он действительно был силен, – силен мышцами, нервами, правильным кровообращением и питанием, словом, своей железной физической организацией. Характерен в этом отношении следующий факт. В 1846 году, следовательно, когда ему был 31 год, он темной осенней ночью возвращается по берлинским улицам домой и наталкивается на какого-то господина, который, сильно подвыпив, ищет с ним ссоры. Бисмарк узнает в нем одного из своих собутыльников, и встреча кончается миролюбиво: они вместе отправляются в пивную, чтобы выпить еще по кружке. Товарищ, однако, тут же засыпает, а Бисмарку пиво приходится по вкусу, и он продолжает пить. За соседним столом бражничают какая-то компа-

ния также сильно подвыпивших людей. Одному из них физиономия Бисмарка не нравится, и он начинает подшучивать над ним; Бисмарк молчит. Тогда шутник подходит к нему и уже прямо в упор его спрашивает, не глух ли он; Бисмарк ничего не отвечает. Тот наконец берет кружку пива и со словами: “Вас, кажется, надо окатить, чтобы вы пришли в чувство”, – собирается вылить ему кружку пива на голову. В этот момент, однако, происходит нечто неожиданное: метким ударом в зубы Бисмарк валит своего противника, так что тот падает навзничь. Совершив это, Бисмарк снова садится, освежается глотком пива и спрашивает с невозмутимым спокойствием товарищей обиженного, не желают ли они от него удовлетворения? Затем он оставляет им свою карточку и удаляется.

Проявившаяся в этом случае уверенность в себе, хладнокровие в минуту опасности, меткость верно рассчитанного удара составляют характеристические признаки Бисмарка, доставившие ему не одну победу в жизни. Успехи, которых он достигал благодаря этим свойствам своей натуры еще в школе, когда руководил товарищами во время сражений со снежками, в университетские годы на дуэлях, затем во время той или другой угрожавшей ему опасности, внушили ему чувство, столь необходимое в житейской борьбе, а именно самоуверенность. Соединение этих качеств невольно внушало почтение к его личности – то почтение, которое обуславливается силой. Бисмарк отличался не только исполинским ростом, крепкими мышцами и нервами, но и сильным духом, не страшившимся никакой опасности и хладнокровно выдерживавшим всякую борьбу. То, что устрашало других, его не устрашало. Вот почему его школьные и университетские товарищи относились к нему с почтением, вот почему соседи-помещики его побаивались, вот почему, когда он был произведен из рядовых в офицеры ландвера, он пользовался расположением своих товарищей. В этом отношении он всегда оставался себе верен, что подтверждают и следующие два характерных эпизода рассматриваемого нами периода его жизни.

В качестве офицера ландвера он был прикомандирован к уланскому полку, расположенному в Трептове и Грейфенберге. Денщик его купал в озере лошадь в то время, как он сам со своими товарищами-офицерами и некоторыми дамами стоял на берегу. Денщик ушел слишком далеко в озеро и начал тонуть. Бисмарк, не задумываясь ни на минуту, сбросил с себя мундир и сапоги и отправился спасать денщика. Утопающий схватился за него, и они чуть было оба не погибли; но и тут Бисмарк проявил все свое хладнокровие. Ему удалось высвободиться, и он поплыл к берегу, толкая перед собою денщика... Оба спаслись. За этот подвиг он был награжден медалью за спасение утопающих, и впоследствии, когда его спрашивали, как он заслужил эту медаль, он говорил: “Мне иногда приходит в голову спасти человеческую жизнь”. Но это в устах его, конечно, не более чем фраза. Он никогда более человеческих жизней не спасал, а губил их бесчисленное множество с тем же хладнокровием, с каким он спас своего денщика. В данном случае он вовсе не руководствовался чувством самоотвержения, просто в нем играл избыток сил. В противном случае, конечно, вся его деятельность сложилась бы иначе, и он не заслужил бы прозвища “человек крови и железа”. Мы впоследствии увидим, как безучастно он относился к гибели людей, как мало его трогало зрелище ужасного кровопролития. Теперь же мы хотели только подтвердить решительность и смелость его натуры, проявившиеся еще в молодости.

Ту же решительность он проявил, когда вздумал жениться. Это было незадолго до появления его в Берлине в качестве народного представителя. На свадьбе одного из своих друзей он впервые увидел будущую свою жену, Иоганну Путткамер. Незадолго перед тем умер его отец (в 1845 году), и они с братом разделили свои поместья – так, что Шенгаузен (в прусской Саксонии) и одно из померанских поместий остались за ним, а остальные поместья достались старшему брату. Он решил жить в Шенгаузене и с тех пор стал называться двойной фамилией – Бисмарк-Шенгаузен. Но, расставшись с братом, он почувствовал себя одиноким в доме и подумал, что ему пора жениться. Тут случилась встреча с его будущей женой. Во

второй раз он встретил ее летом, когда путешествовал с другом. Он ближе познакомился с Иоганной Путткамер и, недолго думая, написал ее родителям письмо, в котором просил ее руки. Те пришли в ужас от этого предложения: “сумасшедшего” Бисмарка они зятем иметь не хотели, они просто его боялись. Узнав об этом их настроении, он явился к ним в дом и начал беседу с того, что обнял и поцеловал свою будущую жену, обращаясь к родителям со словами: “Соединенное Богом люди разлучать не должны”. Таким образом, и жену он взял с бою. Раскаяться ему не пришлось. Он впоследствии неоднократно говаривал: “Вы представить себе не можете, что из меня сделала эта женщина”. И действительно, со времени женитьбы Бисмарк изменяет свой прежний образ жизни. Он становится хорошим семьянином, и скрытые в нем силы начинают проявляться уже в другом направлении. Надо заметить, что женитьба совпала с его появлением в соединенном ландтаге, как тогда назывался прусский сейм, в который он попал случайно, вследствие внезапной болезни депутата того уезда, в котором находился Шенгаузен.

Глава III. Бисмарк – депутат

С первого же своего появления на ораторской трибуне в соединенном ландтаге Бисмарк выступил ярким консерватором и притом против своих же политических товарищей, то есть представителей прусской юнкерской партии, из числа которых некоторые подчинились духу времени. Либеральные веяния тогда преобладали во всех германских государствах и, понятно, находили себе полное выражение в народном представительстве. Это была волна, внезапно охватившая всю интеллигенцию. Мы не можем здесь коснуться этого широкого движения. Для наших целей достаточно отметить только главные факты, имеющие непосредственное отношение к деятельности Бисмарка. Чтобы понять, как сильно было тогдашнее движение, достаточно упомянуть о том, что оно привело к созданию наряду с правительствами, правившими своими народами почти самодержавно, самостоятельного правительственного учреждения во Франкфурте-на-Майне, так называемого подготовительного парламента, которому германские народы подчинились добровольно и который, в свою очередь, создал Национальное собрание, настолько сильное, что оно могло предложить прусскому королю германскую императорскую корону. Конечно, трудно выяснить, к чему бы привело это движение, если бы прусское правительство решилось принять предложенную ему корону, то есть стать во главе движения и осуществить уже в то время мечту всех просвещенных немцев. Защитники тогдашней политики прусского правительства говорят, что принятие императорской короны неизбежно привело бы его к войне с Австрией и что император Николай Павлович, вероятно, вступился бы за последнюю, потому что не сочувствовал брожению, происходившему в Германии. Но надо заметить, что в то время Австрия была настолько слаба, что даже не могла справиться с национальным движением мадьяр и вынуждена была призвать на помощь русские войска. Само собою разумеется, что она тем менее могла бы одолеть национальное движение всего германского народа, особенно если бы во главе его стала Пруссия. Этот решительный шаг, по всей вероятности, обезоружил бы и императора Николая, потому что то, что могло казаться революционным, пока германские народы действовали против воли своих правительств, приобрело бы легальный характер, если бы эти правительства сами руководили движением, направленным к фактическому объединению Германии, *de jure*² объединенной международным соглашением, то есть Венским конгрессом 1815 года.

Но, еще раньше чем выяснились результаты этого движения, то есть еще до наступления событий 1848 года, Бисмарк в качестве депутата, со свойственным ему бурным натиском, становится в оппозицию к этому национальному движению. В первой же своей речи, произнесенной 5 (17) мая 1847 года, он с необыкновенной ясностью устанавливает свою прямолинейную точку зрения. Один из ораторов, также представитель юнкерской партии, заметил, что подъем народного духа во время освободительной войны против Наполеона был результатом единения правительства с народом, законодательства 1807 года, устранившего разобщение между этими двумя факторами государственной жизни. Бисмарк в решительной речи выступил против этого взгляда на дело и провел ту мысль, что не единение между правительством и народом послужило причиной подъема национального духа, а исключительно желание освободиться от иноземного властителя, и что в других объяснениях не представляется никакой надобности, что этим сказано все. Затем, когда один из депутатов высказался в пользу ежегодного созыва сейма, хотя правительство настаивало на четырехлетних промежутках, Бисмарк решительно высказался против этого предложения. Не довольствуясь этим, когда зашла речь о предоставлении евреям более широких прав, он

² юридически, в силу закона, но не на деле (*фр.*)

выступил против этого предложения с той же решительностью, заявив, что основа монархического государства может быть только христианская и что евреям ни в каком случае нельзя предоставлять правительственных мест. “Когда я подумаю, – воскликнул он, – что представителем священной особы короля может быть еврей и что на меня возложена будет обязанность ему повиноваться, то я чувствую себя жестоко униженным и не могу с тем чувством достоинства и с той готовностью служить государству, с какими я ему служу теперь. Я разделяю настроение народа и нисколько не стыжусь этой солидарности с ним”. Это был парламентский дебют Бисмарка. Своими тремя речами он обратил на себя общее внимание. Либералы были скандализированы, а консерваторы признали в нем будущего своего вождя, правительство почуяло в нем будущую опору престола. Чтобы яснее понять то впечатление, которое произвел Бисмарк своим парламентским дебютом, не надо забывать, что либеральные веяния широкой волной охватили тогда все умы, что ввиду этого общего движения, как выяснили последующие события, даже само правительство чувствовало себя слабым и было склонно к существенным уступкам, что никто не решался протестовать против господствовавших тогда политических взглядов, противодействовать нахлынувшей могучей волне и что все усматривали спасение в торжестве либеральных принципов. И вдруг в такое время малоизвестный провинциальный дворянин, г-н Бисмарк-Шенгаузен, попавший в сейм только случайно, вследствие болезни избранного дворянством представителя, решается с необычайным пылом восстать против общего настроения, заявить громогласно и обществу, и правительству, что они ошибаются, что избранный ими путь ложен, что надо вернуться к прежним традициям сильного правительства, опирающегося на религию, на дворянство, на вековые устои установленного порядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.